

На реке Млодоть

Ф. ШАМЕТЬКО

Эмтеэсовская трофейка, тархтя и громыхая, проползла по мосту через реку Млодоть, поднялась в гору и, миновав несколько дворов села Безлесное, остановилась у крытого железом покосившегося дома.

Дом этот когда-то принадлежал местному богачу, вершителю судеб односельчан. Во время коллективизации, на шумном собрании, крестьяне, следуя строгому правилу — «дурную траву из поля вон», — порешили выселить кулака из Безлесного. Двенадцать лет не было от него ни слуху ни духу. Но в черные дни немецкой оккупации точно мрачное привидение появилась старуха — жена кулака. Она вселилась в дом и вскоре объявила, что продает его за тридцать пять тысяч рублей. Односельчане хитро шурились и, улыбаясь, говорили:

— Продавал барин шкуру неубитого медведя, да на дураков нынче урожай нет.

Появился и сынок бывшего богача. Но когда немцы побежали на запад, теряя свои каски и чемоданы с дамскими платьями и чулками, — мать и сына словно водой смыло.

В доме снова разместился сельсовет с обычной скромной обстановкой. В переднем углу общей комнаты — шкаф, наполненный бумагами, стол, стулья. В другом углу — железный ящик, с установленным на нем радиоприемником «Родина». У стен — длинные скамейки, на стенах — плакаты, лозунги, таблицы, графики.

— Председатель есть? — спросили мы, осматриваясь.

— Я председатель, — ответил человек, круто поднявшись со стула и, протягивая руку с короткими, крепкими пальцами, добавил: — Новиков.

Это был человек лет сорока трех, невысокого роста, сутуловатый, со смуглым, полным, чисто выбритым лицом, аккуратно причесанными густыми русыми волосами.

Кузьма Иванович Новиков показался нам таким же, каким можно было представить его пять лет назад, когда он работал машинистом Полевской МТС. Казалось, будто война не коснулась его, даже в движениях своих он сохранил прежнюю медлительность и угловатость.

Колхозница — многодетная мать спрашивала у председателя, как выхлопотать орден и «премию». От двух дочерей, учащихся в Курске, она получила справки, а третья, работающая на транспорте, пишет: «Справки не вышлю, ты для меня и без ордена лучше всех».

— Я напишу, посоветую ей. Думаю, вышлет, — предложил Новиков и занес в тетрадь адрес своенравной дочери.

С дорожным мастером Новиков беседовал о ремонте мостов и дорог, с директором школы — о заготовке торфа. У самого села вдоль реки имеются залежи хорошего торфа. В прошлом году колхозники для себя заготавливали, а школа осталась без топлива. В нынешнем — сельсовет организовал две бригады. Топливом будут обеспечены школы и квартиры учителей. Председателю колхоза им. Буденного, бывшему фронтовику Мазуреву, Новиков советовал соединить фронтовую выдержку, смекалку и находчивость с вдумчивостью, расчетами и интересами колхозных хлеборобов.

К столу подошла немолодая, но еще крепкая женщина. Она жаловалась на то, что правление колхоза отрезает часть ее огорода.

Новиков строго взглянул на женщину:

— В совхозе имеете огороды?

— Там... ими дочки пользуются.

— А в колхозе сколько трудодней выработали?

— Да какие же, товарищ председатель, у нас трудодни: дочки в совхозе заняты, сама из лет вышла.

— За двумя зайцами охотитесь, — возразил Новиков. — Ничего не выйдет. Думаете оставаться в колхозе — оставайтесь, работайте и огород ваш никто не тронет.

Женщина растерянно и смущенно переступила с ноги на ногу, нерешительно повернулась и молча вышла. Один из сидящих колхозников в знак одобрения «отповеди» председателя бросил вслед:

— На одном коне едет, а другому песенки поет. Работать в колхозе не хочу, а огород дай.

В этот день посетителей было много. Приходили члены семьи погибшего фронтовика Балабанова; у них ветхая изба. Сельсовет решил помочь в строительстве новой. В семье Леоновых — пала корова. Новиков обещал помочь в приобретении телки. Сироты Татаренковы просили картофеля, инвалид Отечественной войны Титюник просился на работу счетовода колхоза... Все просьбы и просьбы разные.

И уже по тому, как люди обращались к Новикову и с каким уважением вели с ним разговор, было видно, что он сумел снискать среди